

Научный поиск: личность, образование, культура. 2024. № 1 (51). С. 66–73.

Scientific search: personality, education, culture. 2024. No. 1 (51). Pp. 66–73.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 130.2

ББК 71.1

DOI: 10.54348/SciS.2024.1.10

Народное искусство Русского Севера как парадигма развития и сохранения культурных ценностей народов России

Каринэ Евгеньена Романова¹, Людмила Викторовна Ершова²

¹Ивановский государственный политехнический университет, Иваново, Россия

^{1,2}Ивановский государственный университет, Шуя, Россия

Аннотация. В статье поднимается актуальная проблема сохранения народных культурных ценностей в условиях многонационального Российского государства на примере традиционной культуры Олонецкого края. В этническом плане территория этого региона осваивалась в результате тесного взаимодействия финно-угорских и славянских племен, что отразилось на характере материальной и духовной культуры проживающих здесь народов, оказавшем влияние и на культуру других народов Русского Севера и России в целом. В статье рассматривается опыт развития народной культуры Олонецкого края в условиях плодотворного сосуществования разных народов на одной территории, пути сохранения культурного своеобразия и мирного, продуктивного восприятия культурных паттернов других народов. Этот опыт может служить наглядным примером сохранения этнического своеобразия соседствующих народов, развития собственных культур на основе исторической памяти и усвоения культурных элементов других народов, примером сохранения традиционных ценностей России.

Ключевые слова: Олонецкий край, народное искусство, культурное наследие, традиционное деревянное зодчество, топорная игрушка, костюмный комплекс.

Для цитирования: Романова К.Е., Ершова Л.В. Народное искусство Русского Севера как парадигма развития и сохранения культурных ценностей народов России // Научный поиск: личность, образование, культура. 2024. № 1 (51). С. 66–73. <https://doi.org/10.54348/SciS.2024.1.10>

CULTUROLOGY

Original article

Folk art of the Russian North as a paradigm for the development and preservation of cultural values of the peoples of Russia

Karine E. Romanova¹, Lyudmila V. Ershova²

¹Ivanovo State Polytechnic University, Ivanovo, Russia

^{1,2}Ivanovo State University, Shuya, Russia

Abstract. The article raises the urgent problem of preserving national cultural values in the conditions of a multinational Russian state on the example of the traditional culture of the Olonets region. Ethnically, the territory of this region was developed as a result of close interaction between Finno-Ugric and Slavic tribes, which affected the nature of the material and spiritual culture of the peoples living here, which influenced the culture of other peoples of the Russian North and Russia as a whole. The article examines the experience of the development of folk culture of the Olonets region in conditions of fruitful coexistence of different peoples on the same territory, ways to preserve cultural identity and peaceful, productive perception of cultural patterns of other peoples. This experience can serve as a clear example of preserving the ethnic identity of neighboring peoples, developing their own cultures based on historical memory and assimilation of cultural elements of other peoples, an example of preserving traditional values of Russia.

Keywords: Olonets region, folk culture, cultural heritage, traditional wooden architecture, axe toy, costume complex.

For citation: Romanova K.E., Ershova L.V. Folk art of the Russian North as a paradigm for the development and preservation of cultural values of the peoples of Russia. *Nauchnyjpoisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura = Scientific search: personality, education, culture.* 2024. No. 1 (51). Pp. 66–73. (InRuss). <https://doi.org/10.54348/SciS.2024.1.10>

Актуальность. Тенденции глобализма, провозглашенные во второй половине прошлого века, обнажившие множество проблем в разных сферах бытия, в том числе и в культурной сфере, в первой четверти XXI века показали свою несостоятельность. С одной стороны, в процессе глобализации происходит размывание уникальности региональных культур, утрата традиционных ценностей культур одних народов и насаждение несвойственных ценностей на почву культур других народов. С другой стороны, происходит болезненное обособление, неприятие инокультурных явлений, особенно обострившееся в настоящее время. В современном мире, когда под сомнение ставятся традиционные ценности, рушатся культурные связи между народами, усиливаются националистические тенденции, важно найти те скрепы, которые бы способствовали сохранению единства многонационального Российского общества, единой и в то же время мозаичной отечественной культуры. В последнее время проблема сохранения (или отрицания) традиционных ценностей приобрела особую остроту. Неслучайно этот вопрос был актуализирован на государственном уровне в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиций российских духовно-нравственных ценностей». Среди ряда приоритетных задач по защите традиционных ценностей в Указе названы такие, как «сохранение исторической памяти», «историко-культурного наследия народов России», охрана памятников истории и культуры как явлений, «формирующих историческое самосознание, воспитывающих любовь и уважение к Отечеству» [Указ Президента Российской Федерации, 2022].

Данная статья не претендует на выявление единственно верных путей разрешения этой проблемы в разных сферах жизни страны. Цель статьи заключается в рассмотрении особенностей народной художественной культуры Русского Севера на примере одного из центров Карелии – Олонецкого края как одного из вариантов этнического и культурно-исторического сосуществования разных народов и сохранения традиционных российских ценностей. Этот регион представляет собой ареал мирного проживания разных этносов, чья народная культура за время совместного сосуществования приобрела особый характер единства общего и специфического.

Актуальность проведенного исследования состоит в выявлении символов, которые скрепляют различные местные традиционные явления культуры, делают их уникальными; отража-

ют признаки воспринятого из других культур и в то же время, развиваясь, выступают как хранители и продолжатели традиционных ценностей края.

В качестве культурно-исторического наследия в данной статье были рассмотрены отдельные явления народного искусства Олонецкого края.

Методы исследования. В нашем исследовании использовались следующие культурологические подходы, а именно: этнорегиональный, художественно-эстетический, экологический. В основе этих подходов – рассмотрение народной художественной культуры России как следствия культуро- и этногенеза, как совокупность культур регионов и этносов, которые формировались в конкретной символической среде, в определенном географическом и климатическом пространстве. Эти подходы позволяют понять, как зарождались и развивались культурные традиции, что истоки формирования художественно-образной системы народного творчества – это, в первую очередь, «вмещающий ландшафт», окружающая природа и человек в ней. Деятельностный подход рассматривает культуру как творческую деятельность, когда «становится возможным изучение процессов духовного обогащения общества, самосозидания человека как субъекта культурно-исторического процесса, механизмов сохранения и воспроизведения культуры в условиях изменчивости окружающего мира» [Будник, 2018].

В исследовании применялись методы: анализ и обобщение результатов научных исследований в области народной художественной культуры, научной и специальной культурологической и искусствоведческой литературы, литературы по культурному наследию Олонецкой земли; исторический метод, который позволил рассматривать возникновения и специфические особенности народных промыслов Олонца в историческом аспекте; семиотический метод, который способствовал рассмотрению знаковой системы исследуемого объекта как символа конкретной культуры на примере таких явлений традиционной культуры Олонецкого региона, как деревянное зодчество, топорная игрушка, народный женский костюм.

Результаты исследования и их обсуждение. Одно из древнейших селений Карелии – город Олонец, расположенный в месте слияния рек Олонка и притока – Мергега, был заложен на карельской земле в 1649 году как пограничная крепость, прикрывавшая от шведов водные пути северных русских земель. К этому времени здесь было пустынно, если не считать лишь

несколько старинных деревень вокруг, которые и позволяют считать историю Олонца с XII века. В разные периоды своего становления Олонец был и областным и уездным городом. Крупным купеческим городом Олонец оставался до конца XVIII века, до тех пор, пока с образованием Олонецкой губернии с ее центром не стал Петрозаводск. Постепенно статус города понижался, Олонец постепенно превратился в тихий провинциальный городок. После революции (1917) на фоне преобразований в советской России в 1927 году Олонец и вовсе был преобразован в сельский населённый пункт. Только в 1944 году Олонец вновь получил статус города. Сегодня Олонецкий национальный район – одно из муниципальных образований в южной части Карелии, который приравнен к районам Крайнего Севера [Русский Север, 2001].

Комплекс научных подходов и методов позволил констатировать, что народное творчество Олонецкого края достаточно разнообразно и самобытно, что обусловлено этническим, историко-культурным, географическим и природным своеобразием региона. На этой территории сложился союз таких этнических групп, как финны, карелы, вепсы, саамы, русские, литовцы, украинцы, поляки, белорусы и даже чеченцы. При этом большую часть населения (более 60%) составляют карелы-ливвики, народ, которому удалось сберечь элементы традиционного уклада, культуру и язык предков. Важным фактором, оказавшим значительное влияние на своеобразие культуры Русского Севера, было отсутствие крепостного права в его исторической форме, а также достаточно высокий уровень грамотности местного населения, так необходимого в ведении хозяйства, промышленной деятельности, торговли. Не последнюю роль в этом оказали русские переселенцы, которые нередко доминировали в численности на новых землях и переносили свои знания и опыт в новые условия.

В свое время Д.С. Лихачев писал, что в Русском Севере удивительным образом обнаруживается сочетание настоящего и прошлого, современности и истории, человека и природы [Лихачёв, 2000]. Формирование культуры Русского Севера – достаточно сложный процесс, протекающий в тесном взаимодействии местных финно-угорских народов пришедших сюда славян, что способствовало взаимовлиянию и взаимообогащению их материальной и духовной народной культуры [Русский Север, 2001].

Т.А. Берштам выделяет два условных периода в формировании культуры Русского Севера:

– адаптация в северной зоне в XII–XVII вв., отдельных общерусских традиций, принесен-

ных восточными славянами (русскими – новгородцами, владимирцами, ростово-суздальцами);

– последующая трансформация разнообразных местных традиций, в органичное культурное единство, получившее в науке название «севернорусская культура» [Берштам, 1983].

Исследователи народной культуры Русского Севера отмечают, что своеобразие культуры этого региона формировалось «общими усилиями русского и коренных народов, которые на равных входят в плеяду творцов и хранителей общероссийских ценностей» [Берштам, 2004].

Такой подход к культурному формообразованию в Карелии наглядно просматривается на примере деревянной архитектуры (жилые, хозяйственные, культовые строения). Русский Север – это «страна зодчих», исторически сложившийся заповедник народного зодчества, которое по праву считается вершиной русской и мировой деревянной архитектуры [Пермиловская, 2013]. Одной из главных сфер народного зодчества является постройка традиционного крестьянского дома. Изначально избы коренных жителей карел в Олонецком крае были небольшого размера преимущественно квадратной формы в плане и отапливались «по-черному». Тот вид жилища, который стали называть «хоромное строение», представляющее комплекс построек под одной крышей – жилое помещение (изба и сени) и дворовая клеть (помещение для скота, хлев, амбары) – появился здесь с XIV–XVI вв. Изменение конструкции жилища происходило под влиянием пришедших сюда новгородских, ярославских, ростовских древоделов.

Не сразу, по мере экономического развития, к концу XVII в. окончательно сложилась севернорусская крестьянская усадьба – комплекс избы на высоком подклете с крытым двухэтажным двором под единой крышей – так называемая однорядная связь двора с домом (изба-сени-клеть-двор, стоящие в один ряд). Образ дома складывался из потребностей человека и на основе освоения природного окружения [Русский Север, 2022]. При этом карелы строили избы в соответствии со своими представлениями о мироустройстве, о бытовом и семейном укладе. В отличие от других северных изб здесь почти не встречаются дома по типу «глаголь» или «кошель», здесь прижился только один тип конструкции избы – «брус». Под одной кровлей могло к четырех- или пятистенной избяной клетки пристраиваться несколько подсобных помещений, которые в плане образовывали вытянутый прямоугольник. Если сравнить русскую избу в регионах Верхнего и

Среднего Поволжья, можно заметить, что тип «брус» является преобладающим в сельской жилой архитектуре, но здесь чаще всего дворовые постройки пристраивались не под одну крышу, а несколько ниже. Такой тип дома, но преимущественно одноэтажный, распространен в современных Ивановской, Костромской, Владимирской областях; дом с высоким подклетом характерен для сельских изб в Ярославской области. В этом просматривается, с одной стороны, влияние русских древоделов на характер жилой постройки («брус») в олонецком регионе. С другой стороны, на Олонецкой земле избы, возводимые русскими, приобрели характерный для этого региона вид, с присущими здешнему представлению о доме признаками.

До наших дней сохранились традиционные карельские деревни с большими и красивыми деревянными домами – исполинами, которые были построены еще во времена Российской Империи. Сохранившийся дом Дубровина в деревне Большая Сельга – настоящий памятник деревянной жилой архитектуры. Уникальность и своеобразие этого дома, прежде всего, отражается в архитектурно-конструктивных особенностях и декоре. Зачастую здешние плотники были замечательными резчиками. Дом Дубровина тому пример. Фасад и боковые стены хоромины сплошь покрыты узорами из своеобразных орнаментальных мотивов геометрического характера (косые и прямые линии, ромбы, розетки, выемки). Причелины, полотенца на фронте, балконы, галереи декорированы геометрической резьбой. «Для карельского зодчества типично простое графическое решение орнаментальных мотивов» [Брюсова, 1972]. Здесь очевидна связь несложного геометрического орнамента с традициями древнего Новгорода.

Подчеркнем, что в культовой архитектуре так же, как и домовой, отражаются наслоения местных и привнесенных русскими элементов в характере конструкции храмов, часовен. А.Б. Пермиловская показывает историческую преемственность деревянного зодчества в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов, представленного в церковной и гражданской народной архитектуре. Народное деревянное зодчество она называет «культурным кодом Русского Севера» [Пермиловская, 2013]. Церкви строились так же, как и дома. Клетские церкви – самые древние, в летописи их называют «древяна клетски». В основе церкви – три сруба: один большой – сама церковь – и два поменьше – притвор (сени) на запад, и другой – для алтаря – на восток. Так строили русские в Костромской, Вологодской, Владимирской областях, где церкви отличались устремленными

вверх клиновидными крышами. А в Карелии клетские церкви ставились на низкие подклети и завершались невысокими крышами [Лисенко, 1987]. Потолок по старым северным традициям во многих деревянных церквях XVIII–XIX вв. покрывался росписью, которая называлась «небесами».

Поражает способность северных плотников срубить здание в гармонии с окружающей его природой. В образе некоторых сохранившихся храмов (например, Варваринская часовня в д. Коккойла) местная природа находила отражение в форме главок, напоминающих еловую шишку, а также в форме лемехов – стилизованных елочек, образующих главу. Часовня расположена на месте древнего языческого святилища в «Священных» еловых рощах [Брюсова, 1972]. Так карельские строители, перерабатывая распространенную на русских православных храмах, часовнях луковичную форму главы, приносили в русскую традицию свои элементы в соответствии со своим традиционным почитанием природы.

Следует отметить, что среди инструментов для плотницких работ здесь преимущественно использовался топор, хотя на Руси пила и другие столярные инструменты были известны давно. Без единого гвоздя и только топором рублены большинство деревянных построек на русском Севере (в том числе и в Олонецком крае). Virtuозное владение топором нашло отражение в изготовлении бытовой утвари, хозяйственных приспособлений, деревянных саней, люлек, деревянных игрушек, коней-каталок, коней-салазок.

Остановимся на традиционной северной топорной игрушке. А.В. Чекалов утверждал, что скульптурная игрушка была известна на Севере задолго до XIX века, сохранившиеся в Новгороде образцы XII–XIV вв., представляют собой не просто «примитивный реликт». Это – результат трансформации ритуально-магической пластики, которая из языческого идола превратилась в потешную куклу [Чекалов, 1974]. Северная игрушка, непосредственно связанная с плотницким делом, развивалась как побочная отрасль этого ремесла. При изготовлении какого-либо предмета домашнего обихода в руках мастера топор превращался в инструмент художника-скульптора, с помощью которого отходы своего производства он преобразовывал в знакомый образ. Проведенное исследование показало, что как такового промысла топорной игрушки в Карелии не существовало, поскольку игрушки делали не на продажу, а в единичном экземпляре для своих домочадцев. Топорной Северной деревянной игрушке

свойственна предельно обобщенная форма с едва заметным членением ее на более мелкие объемы и с надрезами, царапинами, складывающимися в узоры [Бакушинский, 1981]. Образ складывался из ритмического чередования выступов и углублений, выдержанных в простейших пропорциях, округлостей и симметричных плоскостей, придавая силуэту устойчивость, монолитность, монументальность, присущую деревянным северным избушкам.

«Вместе с тем каждый образ не индивидуален, но типичен. Он – знак, символ той или иной категории явлений, творчески организуемых сознанием в некие единства... Отсюда вытекает ряд свойств примитивного творческого образа: его предельная простота, полная замкнутость, статическая уравновешенность строения, синтетическая природа всех средств воздействия» [Бакушинский, 1981]. Круг топорных игрушек-образов не широк: кукла-Панка, петух, водяная птица и конь – самые древние и устойчивые образы северно-русского фольклора. Деревянная игрушка «панка» в давние времена имела сакральный смысл у многих коренных северных народов и служила оберегом. Внешне «панка» выполнялась в виде столбиков с шаровидной головой и плоским лицом, руки и ноги монолитно соединены с туловищем. Женские фигуры в традиционной народной культуре олицетворяли Мать-Сыру-Землю. Фигурка «панки» на севере почиталась как покровительница семейному благополучию и плодовитости, Поэтому процарапанный орнамент на кукле состоял из ромбиков и квадратиков как символов земли, точек, обозначающих засеянное поле, как знаков плодородия и деторождения. На некрашеной или чуть подсвеченной фигурке раскаленным гвоздем условно, намеком выжигались части лица. Со временем это ремесло оказалось позабытым.

Поиски времени возникновения такой игрушки на Севере показали, что очень похожий вид топорной игрушки возник в Шуйском уезде Владимирской губернии (в Савинском районе ныне Ивановской области) в среде мазыков – части сообщества офеней, коробейников. Ныне село Алексино, Савинского района, Ивановской области, объект культурного наследия – «родина коробейников». Первые упоминания об офенях (коробейниках), странствующих по Руси, начали появляться с 1700 года. Именно благодаря коробейникам, путешествующим с ярмарки на ярмарку по всей Руси, на Север, к берегам Белого моря, в Сибирь и на южные окраины, игрушки мазыков могли попасть и в Карелию.

Были «коробейники» и среди северян, но

гораздо позже, в конце XIX века. Вместе со взрослыми занимались разносной торговлей по городам Финляндии, России и олонечкие подростки 12-14 лет. Навыки коробейникова дела передавались от отца к сыну [Илюха, 2013]. Возможно, северные «панки» попадали и к мазыкам. К сожалению, ремесло деревянной игрушки на Севере надолго прервалось.

Как и северные игрушки, мазыкские «столбушки» едва не прекратили свое существование. Благодаря энтузиазму и большой увлеченности Александра Шевцова – историка, этнографа, исследователя, проживавшего несколько лет в с. Савино Ивановской области, удалось возродить некогда бытовавшую и чуть было не забытую – мазыкскую игрушку. В основном мазыкские игрушки представляли собой фигурки зверей и людей, которые когда-то выполняли роль языческих божков, помогающих человеку в ведении домашнего хозяйства домашнего очага, оберегов и просто игрушек для детей. До наших дней дошли такие образы как «Коник», «Кукушечка», «Мама с сыночком», «Щука», «Челночок», «Панок и Паночка», «Трущ» (воин).

Сравнение северных и мазыкских игрушек указывает на те же образы, схожие формы, те же способы рубки, что и старинные северные игрушки. И все-таки можно в них увидеть специфические черты карельской традиции обработки дерева: нанесение графических прорезных элементов делают северную игрушку узнаваемой и отличной от мазыкской, на которой и цвет, и орнаментика отсутствуют. И все-таки родство с мазыкской игрушкой явно просматривается.

Анализируя народное наследие Олонечкой земли, нельзя обойти традиционный Олонечкий костюм. Костюм как и изба, и дом испокон века представлялся человеку моделью мира, «микрокосмом». Женский силуэт в костюме напоминает силуэт шатровой деревянной церкви, столь распространенной в этих местах; он как бы трехчастный: голова, украшенная кокошником (а часто и сам кокошник), похожа на церковную главку, шугай и сарафан – словно два яруса храма, поставленные друг на друга. [Романова, 2014].

При всем сходстве структурных элементов костюмного комплекса, распространенного в однородной этносреде, традиционный народный костюм, как и любой вид народного искусства, имеет множество вариаций. Поэтому так разнообразны русские костюмы не только в разных областях, но и в соседних населенных пунктах.

Тем более явно проявляется вариативность

костюма на территориях совместного проживания нескольких этносов. Так, одежда населения Олонецкого региона, как известно, формировалась на фоне мирного и доброжелательного сосуществования многочисленных этносов. И в costume этих народов можно обнаружить соотношение традиционного и актуального, этнического и национального начал. Особенной группой в этом ансамбле этносов стоят финны. В исследовании Т.М. Носань описывается структура костюма XIX века таких коренных этносов Олонецкого края, как финны, карелы, вепсы, саамы [Носань, 2014]. Мужчины-финляндцы одевались на манер шведских крестьян: кафтан до колен из серой шерстяной ткани перетягивался поясом из кожи, к нему подвешен нож, трубка и огниво; головной убор – шляпа с опущенными к низу полями; на ногах – обмотки и кожаные башмаки. Женщины-финки носили панталоны, короткий широкий казакин без рукавов, корсет с короткими широкими рукавами с незамысловатой вышивкой, юбку с такой же вышивкой, пояс с бахромою. На голове – длинный кусок полотна, заправленный сзади за пояс. Из украшений – большие серьги кольцами, сквозь которые пропускают множество длинных лент. Костюмный комплекс финнов сильно отличался от костюма других здешних народов.

В целом традиционный костюм в Олонецком крае сходен с одеждой северорусского народа, но имелись и некоторые своеобразные черты. У карелов и вепсов бытовали два типа костюма: сарафанный (холщевая рубаха и сарафан) и юбочный (парка: юбка, сшитая из пяти-шести полотнищ, и кофта в талию). В costume вепсов также был фартук черного цвета. Рубахи богато орнаментировались вышивкой. По мнению Л.А. Динцеса, корневые истоки вепского орнамента лежат в древнерусском искусстве. Ткаными узорами украшались «полики», ворот, подол, рукава. Рубаха олонечкой девушки подпоясывалась поясом из шерстяной гарусной пряжи с разноцветными кистями. Пояс служил оберегом, он был обязательным атрибутом костюма. Праздничные сарафаны шили из шелковых и льняных тканей на жесткой холщевой подкладке, которая помогала удерживать силуэт, и иногда, чтобы не мять дорогую ткань, сам сарафан не подпоясывали. Но тогда обязательно надевали пояс под сарафан на рубаху. Молодые парни подпоясывали и рубаху, и верхнюю осенне-зимнюю одежду, пожилые – только рубаху [Тимофеева, 2013]. В праздники носили «парочку»: юбку и кофту из одноцветной покупной ткани. Головным убором замужним женщинам служили повойник и сборник.

Саамы – древний народ, культура которого развивалась в тесном контакте с культурой других народов Севера России. В традиционном costume саамов «юпа» (куфт) обязательно была прямая суконная или холщовая рубаха, которую мужчины подпоясывали широким кожаным поясом с подвешенным к нему мелкими охотничьими принадлежностями. Мужской костюм почти не отличался от соседних областей и состоял из ситцевой рубахи и штанов (из сукна или оленьей кожи); женский – из рубахи, сарафана (из яркого пестрого или однотонного сатина) на узких лямках и передник [Носань, 2014]. На голове замужних женщин – «шамшура», по форме похожая на русский «кокошник», у девушек – «перевязка» в форме пустотелого цилиндра.

Таким образом, и в costume при доминировании русских компонентов наблюдается непрерывное сохранение традиционных этнических признаков в одежде местного поликультурного населения. Краткий обзор структуры костюмных комплексов разных этнических групп свидетельствует о сходных элементах в их составе не только в пределах олонечкого края, но и указывает на общность образа костюма на всей территории Русского севера и прилегающих областей. Специфика обнаруживается при более детальном рассмотрении и сравнении костюмов разных регионов. Преимущественно своеобразие отражается в материалах, используемых в пошиве костюмов, колористическом решении комплексов, декоре, украшениях в форме головных уборов и технологических особенностях и т.д.

С начала XXI века в Карелии и непосредственно на Олонечкой земле, наблюдается всплеск внимания к своим корням, активность местного населения в попытках возрождения и воссоздания многих утраченных или угасающих ремесел. В 2000 году создан Общественный фонд карельского культурного наследия Республики Карелия, в 2014 году – Ассоциация этнокультурных центров и организаций по сохранению наследия «ЭХО». Ассоциация объединяет этнокультурные центры (а их в Карелии становится с каждым годом все больше), учреждения культуры, общественные организации. Среди задач ЭХО – сохранение карельского языка и самобытных традиций коренных народов. Заброшенные деревни превращаются в музеи под открытым небом (например, деревня Кинерма (карел. kinnermu) – комплексный памятник деревянного зодчества карелов-ливвиков, который в 2016 году был принят в Ассоциацию самых красивых деревень России); реализуются долговременные проекты,

например, проект «Создано Севером: методики развития локальных ремёсел» (на 2023-2028 гг.), нацеленный на современное развитие сферы традиционных ремёсел в Республике Карелия, на более глубокое понимание этнокультурных «атомов», из которых образуются изделия мастеров, ремесленные технологии. Проект «Северный ремесленный кластер: культура бережного потребления от традиции к современности», важной объединяющей линией которого является этнокультурное наследие трёх северных регионов России (Республика Карелия, Архангельская и Мурманская области). Можно еще продолжать перечень разнообразных видов деятельности по возрождению и сохранению традиционных ценностей в этом регионе. И это не сиюминутный порыв. Эта работа – надолго!

Выводы. Таким образом, в ходе проведенного исследования на примере некоторых видов традиционной культуры Олонецкого края (деревянное зодчество, плотницкая игрушка, народный костюм) была выявлена ее многослойность. Ввиду полиэтничности данного региона и долгого совместного сосуществования культур коренных этносов и славянского народа, расселившегося на Севере, происходило напластование одних культурных феноменов на другие. В результате у разных коренных этни-

ческих групп складывались культурные области, которые наряду с собственными признаками приобретали черты русскости. Это соединение на Русском Севере как бы законсервировало и своеобразие русской культуры, и уникальность этносов-аборигенов, что, на наш взгляд, имело положительное значение всего народонаселения Северных регионов.

К сожалению, часть исконно местных традиций забыта, традиционные народные промыслы к концу прошлого века угасали, деревни пустели и дома-исполины погибали.

Выявлено, что в начале XXI века пробуждение самосознания коренного населения привело к активным действиям культурных и общественных организаций по основательному и всестороннему изучению, возрождению и сохранению забытых традиций промыслов и ремесел. Появилась Ассоциация этнокультурных центров, деятельность которой нацелена на сохранение культурного наследия и традиционных ценностей в республике Карелия.

Проведенный анализ показал, что, историко-культурный опыт Олонецкого края и в целом Русского Севера может стать образцом мирного, совместного проживания и культурного развития для других этнически неоднородных регионов России.

Список источников

- Бакушинский А.В. Игрушка как разновидность примитивной пластики // Бакушинский А.В. Исследования и статьи. Москва: Советский художник, 1981. 350 с.
- Бернштам Т.А. Аспекты уникального в свете проблемы «человек- и традиция» // Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции / Сост.: Т. А. Бернштам, Ю. Ю. Шевченко; МАЭ РАН им. Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2004. 415 с.
- Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX–начале XX в. Этнографические очерки. Ленинград: «Наука», 1983. 232 с.
- Брюсова В.П. По Олонецкой земле. Москва: Искусство, 1972. 135 с.
- Будник Г.А., Королева Т.В. Культурология: Учебно-методическое пособие. Иваново: «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина», 2018. 152 с.
- Ершова Л. В. Диалог культур как один из важнейших принципов реализации образовательной функции народного искусства: региональный аспект // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 601.
- Ершова Л.В., Алексеева М.Ю., Крохина Н.П., Волкова Т.Н. Соотношение традиционности, диалогичности и инновационности в функционировании народного искусства // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2018. № 04 (28). С. 94-105.
- Илюха О.П. История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. 277 с.
- Носань Т.М. Многонациональная культура Карелии и ее традиции // Декоративно-прикладное искусство и образование. 2014. № 3 (10). С. 27-35.
- Пермиловская А. Б. Авторская концепция в исследовании народной архитектуры Русского Севера // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1, № 2. С. 213-217.
- Романова К.Е., Покровская Е.П. Традиционный народный костюм в культурно-историческом пространстве России // В мире научных открытий. 2011. № 11-1 (23). С. 463.
- Романова К.Е., Рябова О.Н. Традиции народного костюма в одежде Архангельских поморов // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2014. № 3 (351). С. 75-79.

- Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века / Отв. ред. И.В. Власова. Москва: Наука, 2001. 848 с.
- Тимофеева А. Рубаха как основной элемент русского народного костюма. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/khudozhestvenno-prikladnoe-tvorchestvo/2013/01/07/rubakha-kak-osnovnoy-element-russkogo> (Дата обращения: 08.12.2023).
- Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. Москва. Кремль. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (Дата обращения: 08.12.2023).
- Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура русского севера. Москва: Искусство 1874. 190 с.

References

- Bakushinsky A.V. Toy as a type of primitive plastic. In: Bakushinsky A.V. Research and articles. Moscow: Soviet Artist, 1981. 350 p. (In Russ).
- Bernshtam T.A. Aspects of the unique in the light of the problem “man-and-tradition”. In: Russian North: Aspects of the unique in ethnocultural history and folk tradition / Compiled by: T. A. Bernshtam, Yu. Yu. Shevchenko; MAE RAS named after. Peter the Great (Kunstkamera). St. Petersburg: MAE RAS, 2004. 415 p. (In Russ).
- Bernshtam T. A. Russian folk culture of Pomerania in the 19th–early 20th centuries. Ethnographic essays. Leningrad: “Science”, 1983. 232 p. (In Russ).
- Bryusova V.P. On the Olonets land. Moscow: Art, 1972. 135 p. (In Russ).
- Budnik G.A., Koroleva T.V. Culturology: Educational and methodological manual. Ivanovo: “Ivanovo State Energy University named after V.I. Lenin”, 2018. 152 p. (In Russ).
- Ershova L.V. Dialogue of cultures as one of the most important principles for implementing the educational function of folk art: regional aspect. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2013. No. 5. P. 601. (In Russ).
- Ershova L.V., Alekseeva M.Yu., Krokhina N.P., Volkova T.N. The relationship between traditionality, dialogicality and innovation in the functioning of folk art. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo = Humanitarian Gazette of the TSPU named after L.N. Tolstoy*. 2018. No. 4 (28). Pp. 94-105. (In Russ).
- Ilyukha O.P. History and traditional culture of the peoples of Karelia and adjacent regions in the light of new sources, methods and approaches (in memory of R. F. Nikolskaya). Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2017. 277 p. (In Russ).
- Nosan T.M. Multinational culture of Karelia and its traditions. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo i obrazovanie = Decorative and applied art and education*. 2014. No. 3 (10). Pp. 27-35. (In Russ).
- Permilovskaya A. B. Author’s concept in the study of folk architecture of the Russian North. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2013. Vol. 1, No. 2. Pp. 213-217. (In Russ).
- Romanova K.E., Pokrovskaya E.P. Traditional folk costume in the cultural and historical space of Russia. *V mire nauchnyh otkrytij = In the world of scientific discoveries*. 2011. No. 11-1 (23). P. 463. (In Russ).
- Romanova K.E., Ryabova O.N. Traditions of folk costume in the clothes of the Arkhangelsk Pomors. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Tekhnologiya tekstil'noj promyshlennosti = News of higher educational institutions. Textile industry technology*. 2014. No. 3 (351). Pp. 75-79. (In Russ).
- Russian North: ethnic history and folk culture. XII-XX centuries / Executive ed. I.V. Vlasova. Moscow: Nauka, 2001. 848 p. (In Russ).
- Timofeeva A. Shirt as the main element of Russian folk costume. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/khudozhestvenno-prikladnoe-tvorchestvo/2013/01/07/rubakha-kak-osnovnoy-element-russkogo> (Date of application: 08.12.2023) (In Russ).
- Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809. Moscow. Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (Date of application: 08.12.2023) (In Russ).
- Chekalov A.K. Folk wooden sculpture of the Russian north. Moscow: Art 1874. 190 p. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 08.12.2023; одобрена после рецензирования 27.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 08.12.2023; approved after reviewing 27.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.